

"Я надеюсь, дорогие братья, что мы решим, какое имя надлежит иметь нам. Как бы мы хотели, чтобы нас называли? Я часто встречаюсь с друзьями, которые спрашивают: как именует себя наш народ. И попадаю в довольно неловкое положение, потому что не знаю, что ответить. Мы уже даем имена детям, когда им исполняется всего несколько недель или месяцев. Когда мы начинали всю эту работу, когда дело было еще молодо, а люди, двигавшие его — малочисленны, мы не видели необходимости предпринимать подобные шаги. Но сегодня, мне кажется, дитя настолько уже выросло, что просто неудобно оставлять его без имени" (РЭГ 16 октября 1860 г., стр. 170).

Так говорил брат Джеймс Уайт воскресным утром 30 сентября 1860 года на одной из самых больших и значительных в истории Адвентистов Седьмого Дня конференций. Спустя 16 лет после того, как зародилось движение, участники его, наконец, задалась целью определить себе имя.

Конференция началась вечером, сразу же по окончании субботы, и продолжалась до понедельника, пока вопрос не был решен. Делегаты встречались в Батл-Крике, во второй адвентистской церкви. Первая, построенная пять лет назад, была уже мала. Вторая же насчитывала в то время 300 сидячих мест и для местной общины была конечно же большой.

Энергичные адвентисты Батл-Крика строили ее с расчетом на проведение больших адвентистских конференций. Но и они едва могли предположить, что скоро потребуется третья церковь... и четвертая, которая будет вмещать около 4000 человек.

В те годы многие адвентисты, соблюдающие субботу, были против церковной организации. Для них эта идея была несколько странной. Американские протестанты все еще вели оживленные споры по поводу того, через кого Дух Святой лучше работает — через независимые собрания или через религиозные объединения, управляемые пресвитерами, конференциями и генеральными ассамблеями. Методисты и пресвитериане еще соглашались с широким межцерковным сотрудничеством, но баптисты и конгрегационалисты отстаивали автономию местных церквей.

Еще в 1850-е годы Джеймс и Елена Уайт вместе с некоторыми другими служителями предлагали избрать пресвитерскую форму церковной организации, но не все тогда

согласились с ними [126]. Учреждение новой централизованной организации пугало особенно тех, кто однажды побывал у миллеритов. Когда-то все они принадлежали к официальным протестантским церквам, являясь самыми ревностными их членами. Но церкви, которые они так любили, обернулись против них, осмеяли их надежду на пришествие и изгнали их.

В смущении миллериты искали объяснения в Писании и нашли его в Откр. 14:6-8. Вслед за вестью первого ангела о часе суда, которую они тогда проповедовали, они обратили внимание на весть второго ангела: "Пал, пал Вавилон". Они связали ее с воззрением Христа: "Выйди из нее (Вавилона) народ Мой" (Откр. 18:1-4) и с другими высказываниями в книгах Даниила и Откровения. Вывод казался неизбежным. [127]

Церкви, которые обошлись с ними так жестоко, отвергли самую важную истину и, следовательно, стали "павшими" церквами, т.е. "Вавилоном", "блудницей", матерью церквей, от которой они в эпоху Реформации и позже стремились отъединиться. И теперь они искренне боялись, что учрежденная новая религиозная организация со временем может отвергнуть библейскую истину и преследовать верных детей Божьих. Так как они совсем недавно вышли из Вавилона, то вполне понятно их нежелание еще раз оказаться теперь уже в новом Вавилоне.

Что же делает группу христиан "Вавилоном"? Конечно, заблуждение. Может быть, еще что-нибудь? Что характеризовало церкви, которые изгоняли из своих рядов последователей Миллера?

В ведущем миллеритском журнале "Полночный крик" 15 февраля 1844 года Джордж Сторз предупреждал верующих, только что обращенных из других вероисповеданий: "Смотрите, не вздумайте создать другую церковь. Любая церковь организованная человеком, становится Вавилоном уже в тот самый момент, когда только организуется". Таким образом, многие боялись организации, как отличительного знака Вавилона.

Миллеритов исключали за то, что их адвентистские верования противоречили догмам их церквей. Поэтому многие адвентисты считали, что им нужно избегать всяких узаконнений, иначе они обратятся в новый Вавилон.

И вот однажды, когда Росуэл Ф. Котрелл, обратившийся некогда из гугенотов и являвшийся в прошлом баптистом Седьмого дня (т. е. строгим "конгрегационалистом"), вновь пересматривал 11 главу Бытия, повествующую о заложении первого города Вавилона, его поразили слова строителей: "...построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли".

Сделаем себе имя! Представьте себе, что 22 марта 1860 года брат Котрелл писал в "Ревью", что, по его мнению, неверно будет принимать то или иное отличительное имя, если таковая практика берет начало с "основания Вавилона".

Нам сегодня могут показаться странными эти аргументы в отношении организации, вероучения и названия, но в них есть действительно нота предостережения. Блудница, названная в Откровении Вавилоном, представляет церковь или группу церквей. А церковь есть организованный союз христиан, придерживающихся какого-то вероучительного кодекса или символа веры [128]. И уже потому, что церковь придерживается определенного вероучения, она стремится назвать другие верования ересью. Представляя собой четкую организационную структуру, она может чинить преследования. Поэтому, если мы представим себе потрясение, которое пережили миллериты, оказавшись за дверями своих любимых церквей, то мы сможем лучше понять причину их колебаний. Организация, символ веры, название церкви действительно могут причинить боль.

Хотя верно и другое — их отсутствие может быть пагубным.

Но не все адвентисты, соблюдавшие субботу, противились организации. Джеймс Уайт был за нее. Уже в 1850 году он выразил надежду, что церковь скоро соединится воедино и будет двигаться в евангельском порядке. Он проповедовал о евангельском порядке на конференции в Освего в 1851, а в 1853 году опубликовал серию статей на эту тему в "Ревью". Он использовал термин "евангельский порядок", чтобы подтвердить свое убеждение, что современная церковная организация должна следовать примеру, оставленному в Новом Завете.

Молодой Джон Лофборо и престарелый Иосиф Бейтс энергично поддерживали его. Но более консервативные тормозили развитие. И так вот, без имени, организации и символа веры хранители субботы, именующие себя то "малым стадом", то "рассеянными овцами", то "остатком", то "святыми", то просто "друзьями", двигались вперед.

Но вопреки их страху организационного и идейного единства эти ранние адвентисты с уверенностью считали себя членами истинной церкви. И их действительно объединяло очень многое.

Одним из факторов, державших их вместе, особенно в первые годы, были их общие переживания. Почти все они в прошлом были миллериты, прошедшие через разочарование 1844 года. Другим объединяющим фактором были многочисленные конференции, динамичное руководство Иосифа Бейтса, а затем молодого Уайта, видения Елены и более всего их характерные черты учения.

Поскольку "истина настоящего времени" значила для них очень много, они писали статьи и трактаты, и эти публикации тоже объединяли их. Первое время им позволяли печататься в "Утренней звезде", издаваемой Иноксом Джейкобсом в Цинциннати. Когда Джейкобс стал шейкером (американская религиозная секта) они стали использовать для своих публикаций "На склоне Дня" Кромера, хотя и незначительное время. И, наконец, в 1849 году они начали издавать свой журнал "Настоящая истина", который вскоре был заменен "Ревью энд Геральд". Верующие посылали Джеймсу Уайту письма и статьи и воодушевлялись, читая об опытах веры своих братьев на страницах собственного периодического журнала. [129]

Это были достаточно прочные соединяющие средства, чтобы связать их вместе, пока они насчитывали всего несколько сот человек и не имели никаких учреждений. Но в 50-е годы у них появилось уже издательство, а число их возросло почти до 3000, при среднем приросте 30% в год, что приблизительно в шесть раз превышает прирост членов в 70-ые годы XX столетия. И действительно, за первые два года они выросли от 200 до 2000 (РЭГ 6 мая 1852, стр.5). Этот почти невероятный темп, более чем 200% в год, к сожалению замедлялся за счет отступлений и расколов.

С количественным ростом быстро росла и степень географической распространенности. Адвентисты появились уже в Западной и Восточной Канаде и даже в золотой Калифорнии. Новые условия неизбежно потребовали дополнительных и более мудрых элементов организации. За организацию были также многие из тех, кто присоединился к движению через крещение, кто никогда не были миллеритами и поэтому не имели никаких оснований так бояться организации.

В ноябре 1851 года в "Ревью" пришло сообщение от группировки субботаствующих адвентистов из Вашингтона, штат Нью-Гэмпшир. Адвентизм там только зарождался. Эта группировка сообщала о том, что в Деяниях Апостолов "Был избран совет семи, чтобы заниматься нуждами бедных". Вашингтонские верующие не позволяли страху перед организацией препятствовать выполнению их христианского долга перед неимущими. Такой же вывод они сделали и из евангельского избрания семи мужей в "диаконы". В конце концов, шестая глава Деяний не использует термин "диакон" иначе! Как бы там ни было, вскоре после этого начали появляться сообщения о посвящении мужчин в диаконы. Пришло такое сообщение и из Фэрхейвена, родного города Иосифа Бейтса.

Более значительным чем посвящение диаконов, было посвящение в служители. С бурным ростом членов соответственно увеличивалась необходимость в проповедниках, вестниках и миссионерах. В "Ревью" за 1850 и 1853 годы перечислены имена 45 братьев-служителей, а это более чем по два служителя на сто членов.

Так как не было никакого официального органа, который бы "призывал" или рукополагал их, все служители были добровольцами. Многие из них такие, как Хайрам Эдсон, проповедовали в стужу, чтобы заработать себе на жизнь в тепле. Большая часть их духовных усилий распространялась не на верных, а на сторонников воскресения, которых интересовала у хранителей субботы весть третьего ангела [130]. Вдоль и поперек изъездили они всю территорию от штата Мэн до Висконсина, отвечая на вопросы и просьбы простых мирян из далеких провинций, опубликованные в "Ревью". Они задерживались в отдельных местах на выходные или на неделю-другую, возможно, чтобы крестить трех-четырех в реке или озере, а на обратном пути они выполняли уже другое задание. Некоторые из них были рукоположены в церквях, к которым они принадлежали ранее. Например: Фридерик Уиллер, Иосиф Бейкер, М. Е. Корнелл, Джон Байингтон, Джеймс Уайт. Прочие же, и таких было большинство, были посвящены на дело служения просто из рядовых членов. Это Дж. П. Келлог, Отис Николс, Х. С. Гарней, Стокбридж, Хаулэнд и многие другие. Кое-кто из тех, кого назначили в служители, был лишь формально подготовлен к служению и не долго подвизался на этом поприще. Радужный Е. Л. Х. Чеймберлейн проявил себя скорее общительным человеком, чем вестником, и после проверки его способностей в течение одного сезона, Елена Уайт предложила ему вернуться к своей прежней профессии торговца.

Все скоро поняли, что никто не может "отправлять обряды дома Господня", т. е. проводить Вечерю Господню и совершать крещение через погружение, не будучи прежде рукоположенным. Это было, конечно, серьезной помехой при таком бурном росте интереса среди соседей и друзей.

Первое известное рукоположение служителя адвентистами седьмого дня, совершенное без каких-либо особых церемоний, произошло в Ист Бетеле, штат Вермонт, летом 1851 года. Сестра Ф. М. Шимпер впоследствии писала в "Ревью", что брат Вашингтон Морс был "отделен" через возложение рук для того, чтобы "совершать таинства дома Божьего". Очевидно, это рукоположение было проведено Джорджем Холтом, который был рукоположенным служителем в силу причастности к своему бывшему вероисповеданию.

Два года спустя 5 сентября на так называемой "Потсдамской Конференции" было совершено уже куда более официальное рукоположение (РЭГ 20 сентября 1853 г. стр. 540). Свое название конференция получила от названия района Потсдам, что в округе Сэнт Лоренс, штат Нью-Йорк. Джон Байнгтон подготовил удобное тенистое место перед своим домом где-то на 300 человек, чтобы на воскресенье можно было пригласить людей. Вместе с женой они чувствовали, что их труды были не напрасными, когда на собрание приехало около 80 человек. Приехали из Рочестера и супруги Уайт. Испытывая недомогание, Джеймс Уайт доверил проповедование способному и молодому Джону Андрюсу [131]. Вечером они проводили богослужение в Уэслинской церкви в Морле, что в двух милях выше по течению Грасс Ривер. Послушать хорошую проповедь собралось очень много прихожан. Причем они не испытывали никаких недобрых чувств по отношению к Джону Байнгтону, который год назад ушел из их церкви и стал адвентистом.

Но самое главное произошло в понедельник утром, вероятно опять в доме Байнгтона. Джеймс Уайт, который к этому времени чувствовал себя уже лучше, выступил в связи со значением евангельского порядка в церкви. Сестрой Еленой Уайт были высказаны "убедительные свидетельства". Были пролиты слезы покаяния и братского единения. И вот решено было рукоположить посвященного рядового члена, двадцатилетнего Хорейса У. Лоренса из Уэст Бангор, штат Нью-Йорк. Брат Лоренс был крещен в 1842 году в так называемой "Христианской церкви". В 1843 г. он присоединился к миллеритам, пережил разочарование в 1844, затем был уполномочен благовествовать истину адвентистами, празднуя Воскресение, потом заново крещен в среде адвентистов, соблюдающих субботу Иосифом Бейтсом и зарекомендовал себя активным благовестником, хотя и оставался рядовым членом. Именно он убедил Байнгтона и его жену в необходимости соблюдения Субботы, что те и сделали. За несколько недель до этой конференции, движимый ревностью о Боге и чувством крайней нужды, он совершил обряд крещения и Вечери Господней с группой верующих, живущих в далекой провинции. При этом он не был еще рукоположенным.

Те, кто хорошо знали его, считали, что настало время "возложить на него руки". Все согласились. И вот позднее брат Уайт запишет: "Духу Святому и нам угодно было "отделить" нашего доброго брата Лоренса для евангельского служения и совершения обрядов в церкви Христовой возложением на него рук. Церковь проявила при этом полное единогласие".

Когда руководящие братья склонили колени для молитвы посвящения — Джон Байнгтон и Х. Г. Бак, недавно обращенные служители методистской церкви, Джеймс Уайт, рукоположенный в "Христианском Союзе" и Джон Андрюс — никто из присутствующих не догадывался, что трое из них станут первыми тремя президентами Генеральной Конференции АСД.

В то время еще не было Генеральной Конференции. Не было как таковой даже Церкви христиан Адвентистов Седьмого Дня.

Среди этой кричащей нужды в организации, растущее движение требовало особых упорядоченных действий. Речь идет о нарушителях и отступниках. [132]

Как правило этими проблемами занимался Джеймс Уайт или другой признанный руководитель, когда они совершали свои периодические поездки по общинам, где жили неблагополучные лица. Трудности решались добросердечно, с молитвою и заканчивались открытым голосованием. Затем в "Ревью" появлялся отчет о том, что братья в каком-то месте проголосовали за исключение из общины человека, который пал или учит явному заблуждению, или в другом месте дела сложились плачевно вследствие пагубного влияния такого-то служителя, от которого община желает избавиться. (РЭГ 25 ноября 1851 г. стр. 52).

Вскоре после появления таких сообщений следовали иногда исповеди или покаяния, полученные от лиц, недостойное поведение которых служило причиной этих замечок. Звучали эти исповеди приблизительно так: "Теперь я могу открыто признать, что все содеянное мною было плохо. Теперь я вижу, что подчиниться голосу церкви должно было быть моим преимуществом и моей обязанностью". Или такое: "Хочу сказать, что я очень благодарен за тот добрый дух, который вы проявили по отношению ко мне недостойному, после того, как я опечалил Дух Божий и причинил Ему лишние страдания... Я раскаиваюсь в этих проступках... Я сожалею о том беспокойстве, которое доставил Его народу".

После таких исповеданий обычно появлялись заметки с ответами старших братьев наподобие следующих: "Поверив в искренность вашего раскаяния, мы надеемся, что вы будете восстановлены в доверии своих братьев, как если бы упомянутого проступка не существовало". (РЭГ 13 декабря 1853 г. стр. 183).

В других случаях, ради сохранения чистоты движения Бог Сам открыто вмешивался. Мы возвращаемся к ранней осени 1852 года. В сентябре "Ревью" переехал в большой дом на Маунт Хоуп Авеню в Рочестере. Джон Лофборо, который был тогда совсем юным проповедником адвентистов, соблюдающих воскресенье (ему недавно исполнилось двадцать), пришел в то здание, чтобы послушать Джона Андруса (которому было 23), проповедующего о Субботе, и был обращен. В первую пятницу октября возвратились из поездки по штату Мэн собратья Уайты. На следующий день во время богослужения Лофборо восхищал всех своим публичным выступлением о необходимости соблюдения Субботы.

Освальд Стоуэлл, который принял субботу в Париже, штат Мэн, после чтения того самого трактата Т. М. Пребла, который уже ранее содействовал обращению Джона Андруса, был болен плевритом и потому слушал проповедь из соседней комнаты.

Доктора сказали Освальду, что он умрет, но он просил верующих помолиться о нем. Когда все склонили колени у его кровати, брат Уайт помазал его елеем. [133] Вставая с колен они увидели, что Освальд сидит на кровати, стуча себя по бокам, которые только что болели, и восклицая: "Я совершенно здоров! Завтра же я смогу работать за печатным станком!"

Елена Уайт оставалась на коленях. Ее муж несколько мгновений присматривался к ней, потом вдруг сказал: "Елена видит видение. Она не дышит все время, пока находится в состоянии видения. Если кто-нибудь хочет убедиться, то может подойти и осмотреть ее".

Елена стояла на коленях с открытыми глазами, внимательно всматриваясь в те предметы, которые были перед ее глазами. Час двадцать, т. е. ровно столько, сколько продолжалось видение, никто не мог зафиксировать хоть какой-нибудь признак дыхания, даже тогда, когда она время от времени произносила слова или предложения,

связанные с тем, что она видела. Лицо ее было обычного цвета, жесты — плавными, даже элегантными.

Когда видение закончилось, она взглянула на Лофборо, с которым она впервые встретилась прошлым вечером и рассказала ему кое-что о нем, — то, что казалось ему, никто не знает. Затем она говорила о человеке, которого она никогда не встречала. Она сказала, что он путешествует далеко от дома, много свидетельствуя о четвертой заповеди, но при этом нарушая седьмую. Оказалось, что это был один из недавно обращенных Андрусом. В это время он был в Мичигане. Он всегда считался верным мужем и никто не мог предположить, что видение относится к нему.

Спустя шесть недель, когда этот брат вернулся домой, Елена Уайт с первого же взгляда опознала его, собрала несколько близких знакомых как свидетелей и искренне поведала ему о том, что Бог открыл ей, закончив словами Нафана к Давиду: "Ты этот человек".

Провинившийся тут же упал на колени перед своей женой, исповедался со слезами в том, что все это правда, что это первый случай, когда с ним приключилось такое, и пообещал, что он будет и последним. (Лофборо, "Возникновение и прогресс АСД", 169-173).

И все же, хотя некоторые проблемы, с которыми сталкивались "рассеянные овцы", и решались еженедельными публикациями, случайными указаниями, молитвами, отлучением от церкви и периодическими откровениями, оставалось множество нерешенных вопросов. И поэтому, как и говорил в начале этой главы Джеймс Уайт, рано или поздно адвентистам все равно придется решать вопрос с названием церкви и ее организацией. [134]